

Кузбасс

Проветрив всех стран, соединись!

Выходит в свет
с 7 января 1922 года
№ 195 (17726),
СРЕДА,
25
АВГУСТА
1982 года.
Цена 3 коп.

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

И ДВЕРЬ возмущен. Прованс слеза легла на кушетка, вышарпала тапочки. На площадке стоял Борис Петровский. Увидев ее, смутился и покраснел:
— Мне сказали, что вы боитесь...

— Какой ты молодец, Борька! Прощай. А ты в школу иди.
В прихожей Борис снял свое модное облачение, с оглажкой, боком проникнул в комнату и с любовным восторгом...

— Хочешь чаю? — спросила из кухни Полина Викторовна.
— Нет, спасибо!
— А мне пить захотелось. Ты восходи пока, — Полина напереноси задержалась за кухне: пыльная малянька осматривается.

Борис присел на кончик стула, исподтишка поглядывая вокруг. Любопытно знать, поврвится ему здесь или нет. У папы его, само собой, комфорт: мебель — сплошной модерн, ковры, подвесные потолочный, сверкает хрусталем. А у нее вещи старые, давшие. Стоят они на своих местах скромно, не вычлывались.

И книги. Их, конечно, не так много. Но это ее друзья. Вот и Борю зачитывали. Поднялся со стула, подошла на цыпочках к столу. Лицо поусурело, брови свел над переносицей — ну, захотел.

— Боря, Боря, не стесняйся, — Полина поставила на стол тарелку с яблоками.
— Кто это? — кинула на портрет девушки в военной гимнастёрке.

— Мама. Моя мама. Чему ты удивляешься? Да, я почти старуха, а она вот такая — молодая. Десятинадцать лет...
— Она что? Погибла на фронте?
— Да. И отец тоже. Он был убит раньше, чем я появилась на свет. А родилась я в госпитале, под бомбежкой.

И теперь с тем же обостренным любопытством, как прежде смотрел на книги, он разглядывал ее сейчас.

Война! Он много слышал, читал о войне. Видел в кино и на телеэкране. И вот война подошла совсем близко и встала рядом с ним, приняв облик худощавой смуглой женщины с анкародно блестящими темными глазами. Полина Викторовна молчала — она смотрела на него с грустной полуулыбкой и, казалось, читала его мысли. От этого она вроде растерялась и, чтобы скрыть растерянность, спросил невольно:

— А... как вы себя сейчас чувствуете?
— Спасибо, Боря. Как видишь, поправляюсь. ОРЗ — острое респираторное заболевание, так это теперь называется. А по-моему, это самый обыкновенный грипп.
— А я испугался за вас тогда... Ну, когда мы были у той женщины. Хорошо еще, что вы меня с собой взяли... Борю поднял на Полинку округлившиеся глаза. — Как же можно так жить? Просто ужас какой-то! Крутом грязь, муть полаяющаяся, и пацаны, спящие на полу в туалете. И, честное слово, и представить себе не мог, что такое возможно.

— Как же вы себя сейчас чувствуете?
— Спасибо, Боря. Как видишь, поправляюсь. ОРЗ — острое респираторное заболевание, так это теперь называется. А по-моему, это самый обыкновенный грипп.

— А я испугался за вас тогда... Ну, когда мы были у той женщины. Хорошо еще, что вы меня с собой взяли... Борю поднял на Полинку округлившиеся глаза. — Как же можно так жить? Просто ужас какой-то! Крутом грязь, муть полаяющаяся, и пацаны, спящие на полу в туалете. И, честное слово, и представить себе не мог, что такое возможно.

— Ага! — не без злорадства подумала Полина Викторовна. Видишь ли, представить себе не мог! А мальчи, что из-за его заграничной шутки сиданул со второго этажа?... Разве тот же Женя Сиромятников, которого он увидел спящим на полу возле унитаза, не сиданул бы? Или тот малянька — из университета? Вот и вспомнил... А дашенька все приподняла и ее мысль. Выжидала будто. Но что же, сейчас самый подходящий момент: рюк зашла на память — японская, семидесятилетняя... А у того другая была — серебривая, обычная, за двадцать копеек.

— Как же вы себя сейчас чувствуете?
— Спасибо, Боря. Как видишь, поправляюсь. ОРЗ — острое респираторное заболевание, так это теперь называется. А по-моему, это самый обыкновенный грипп.

— А я испугался за вас тогда... Ну, когда мы были у той женщины. Хорошо еще, что вы меня с собой взяли... Борю поднял на Полинку округлившиеся глаза. — Как же можно так жить? Просто ужас какой-то! Крутом грязь, муть полаяющаяся, и пацаны, спящие на полу в туалете. И, честное слово, и представить себе не мог, что такое возможно.

— Ага! — не без злорадства подумала Полина Викторовна. Видишь ли, представить себе не мог! А мальчи, что из-за его заграничной шутки сиданул со второго этажа?... Разве тот же Женя Сиромятников, которого он увидел спящим на полу возле унитаза, не сиданул бы? Или тот малянька — из университета? Вот и вспомнил... А дашенька все приподняла и ее мысль. Выжидала будто. Но что же, сейчас самый подходящий момент: рюк зашла на память — японская, семидесятилетняя... А у того другая была — серебривая, обычная, за двадцать копеек.

чай тот настолько живчожен, что любой здоровомыслящий человек, опята, тут же бы и забыл о нем. Значит, она не здоровомыслящая, что не может быть. А Боря? Что он способен увидеть в этом удивном случае? По слову маршалов — обратного пути нет.

Полина потянула под себя ноги, оперлась локтем о подлокотник.
— Не знаю, будет ли тебе интересно. История банальная... Расскажу я как-то в университет, в канцелярский отсек. Здесь — уж и не помню сейчас: залпная книжка, что ли, повнадобилась. Подхожу к

— Я пришла, Боря. Усталая. А ты устраивайся в кресле... Ты сирашлываш, что яловат в бедственном положении детства Сиромятникова? Да уж эти время — слава богу, не война! — на общество. Юльке мать — так и считаю, по крайней мере.

— А отец? Ведь есть же у них отец?
— Да, конечно. И отец. Но... Я знаю многих женщин, которые в одиночку, без отцов, поднимают на ноги ребят. А как росла я? У меня не было ни матери, ни отца. Но было детство. Мне есть что вспомнить, есть чем дорожить. У меня была радость — спасибо бабушке! А это самое главное. Уж не лет, друг мой, когда дети лишены радости. Это скверно, брат. И опасно. Это очень опасно, когда у ребенка отнята радость.

— Опасно? Чем же?
— Человек, Боря, не может существовать без радости так же, как без воздуха, хлеба, воды: пусть будет иногда хоть совсем маленькая, крошечная какая-нибудь, но радость. Каждый человек. Каждый! Тем более ребенок. А если, представь, вокруг так много чужой радости, такое изобилие всевозможных благ, удовольствий, развлечений, да какую-нибудь, олому естественному ребенку все это недоступно, то, как ты думаешь, каково ему?

— Вот тогда-то он и со второго этажа прыгнет и еще что поуже сотворить может — ради этой своей маломальской радости. Редко той же, к примеру, шариковой ручки — пустяшлой, дешевойшей, всего за двадцать копеек. Но у него нет этих двадцати копеек — вот трагедия, Боря.

Невидимый в своем кресле Борис обиделся.
И вовсе она не двадцать копеек...
— А я, Боря, не про твою, японскую. Я про свою... Есть и у меня свой неоплаченный долг. Хочешь, расскажу? — Это уже вовсе неожиданно у него вырвалось, даже, можно сказать, против ее воли. Она и в мыслях не допускала, что гротом, вслух — для кого-то постороннего — отдажится повторить то, что тысячи и тысячи раз твердила мысленно. Дело в том, что с житейской точки зрения слу-

кассе. А на прилавке коробочка — в одной карандаш, в другой стержни, ручка всякая. А вперед мальчонка стоит. Ну стоит себе и стоит — я на него и внимания не обратила даже. Лет одиннадцати-двенадцати мальчонка. Гляжу, я он рыв тунет и — хвать! Ручку шариковую — знаешь, такие маленькое, без колпачка, двенадцатикопеечные? — в руках!

— Ну я... — кресло под Борисом скрикнуло.
— Что ну? — усмехнулась невольно. — У так называемых поряточных людей, Боря, бывает этакое... зайниство. Очень уж кипится они своим безудержной репутацией. Вот и во мне это свойство сработало в тот момент. Тихо так говорю, чтобы продавщица не услышала: положи на место!

— А он что? — Близко, видно, пришел к сердцу, даже глаза сверкнули в потемках.
— Валерюша, гляжу на меня и шарилу ручку в коробку — к тем, остальным. И взглял. Не могу я забыть этого взгляда. Боря. И ненависть в нем проглотила — как же иначе? — радость у него огнела, пусть колестнуло, пусть ворочаную, не ради этого ведь! И такая еще, понимаешь, тоска смертная, такая обреченность, как будто у его жизни алишина... Да! Знаешь, — оборвала себя, — зажу-ка я лычу. А то что-то совсем мрачно стало.

— Самый крупный настольный ланчик выхлал из тенистой наклонившись вперед фигуру мальчишки. Глаза в пол, и на лбу поперечная складка — залумала. Впервые с ним такое происходило — чтобы взрослый человек и вот так разговаривал с ним, мальчишкой!

— Ну и что? — спросила в свою очередь. — Что вы ее могли тогда? Сказать вид, что ничего не заметили? Пусть себе ворует. Моя хата с краю?

— Нет, — вскинулась Полина Викторовна, — что ты! Это было бы еще хуже. И не потому, что я побоялась бы стать пособницей. Я, знаешь, все инстинктивно оправдывать себя: мол, я ту минуту растерялась, не успела взвесить, обдумать. Но почему же мне не пришло в

голову самое простое, самое элементарное — отнять карандаш эти несчастные маляньки! копеек и сколько, ручку, и линейку «Бери ручку, и линейку!» Куда уж, кажется, процел!

— Ну, не зна-а-а, — протянула с сомнением Борис и огметро, с присуром, взглянула на Полинку Викторовну.
— А если бы он не знал?

— Но, Боря, он УЖЕ знал!
— Как ты не любишь? — горчит Борис. — Пусть его украл, по слом! Помните? САМ! Он-riskовал. А я, ну как вам объяснить? Ну что была бы просто подачка.

— Да, я я тоже... — Встала. — Я жошея. Извините. Спасибо.

— А разве ты не хочешь взять что-нибудь почитать? Неужели повея детям: — Не знаю.
— Вот возьми для начала, — Полина Викторовна достала с полки синий продолговатый томик, бережно прикоснувшись к переплету. — Мое любимая. Грини.

— Грини Грини? С английско-го? — беснуло азучиной дитя своего времени.
— Нет, Александр Стефанович. С русско-го.

— А-а! «Алле паруса» — знаю! — И улынулась с чувством провоздточности.
— Да, «Алле паруса», — она сочала нужным не заметить егонискоидальной улыбки. — Но не только. Почитай! — услыши.

— Лизано уж, — оспасти-вля согласен.

Перешагнув порог, оставившись:
— Ладно, я вам скажу. Вам оная. Пусть там, в вашем общественном пункте, думают, что дотят. Я се оправдавшаю, — виноват я с этой аурашкой ручкой. Но Сержека... тот, что выргал, — он вовсе не-из таких, как этот ваш нарицательный утерверт! Или как те, которые вы видели в той квартире. У Сержеки все есть. Только ему мало — жаждога такая! Пристаю: давай меняться или продать. Не хватало еще, чтобы я торговлею занялся! — Знакомая претензия во губам. — Я и лануку перелю, что в голову пришло — мы как раз у балкона стояли. Он был заколочен, но мы его уже открывали... курить ходили... Ну вот, если спрыгнуешь, говорю... Думаю — отвяжется.

— Ты хоть ручку-то отдал ему? — засмеялась Полина Викторовна.
— Инаа Фладеена отобрала, как утку.

А что если откровенность на откровенность? Не будет ли это предательством, если она тебе скажет ему правду, то что его вовсе не считали на учет, а только сделали вих в воспитательных целях?

Боря, я должна тебе сказать. Только ты пойми меня правильно. — Полина Викторовна придерживала его за рукав. — Это касается нашего пункта.

— Не надо! — На мальчишеском лице обычное упрямое выражение. — Не надо мне никакой милости. И прости за меня не надо. Буду сполна платить свои долги. (Окончание следует).

— Ты хоть ручку-то отдал ему? — засмеялась Полина Викторовна.
— Инаа Фладеена отобрала, как утку.

А что если откровенность на откровенность? Не будет ли это предательством, если она тебе скажет ему правду, то что его вовсе не считали на учет, а только сделали вих в воспитательных целях?

Боря, я должна тебе сказать. Только ты пойми меня правильно. — Полина Викторовна придерживала его за рукав. — Это касается нашего пункта.

— Не надо! — На мальчишеском лице обычное упрямое выражение. — Не надо мне никакой милости. И прости за меня не надо. Буду сполна платить свои долги. (Окончание следует).

— Ты хоть ручку-то отдал ему? — засмеялась Полина Викторовна.
— Инаа Фладеена отобрала, как утку.

А что если откровенность на откровенность? Не будет ли это предательством, если она тебе скажет ему правду, то что его вовсе не считали на учет, а только сделали вих в воспитательных целях?

Боря, я должна тебе сказать. Только ты пойми меня правильно. — Полина Викторовна придерживала его за рукав. — Это касается нашего пункта.

Зинаида Чигарева

СЛЕД ДОБРА

// Кузбасс, 1982, 25 августа, с. 4.

(текст см. на следующих слайдах. Продолжение. Окончание следует)